

С.А. Васильев

д.э.н., проф., Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара
(Москва)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ В РОССИИ 90-х гг.: ФОРМИРОВАНИЕ КОМАНДЫ И ИДЕОЛОГИИ РЕФОРМАТОРОВ

Аннотация. Статья посвящена исследованию процесса формирования группы молодых российских экономистов, осуществивших в 1990-е гг. радикальные экономические реформы. Анализируются такие факторы формирования мировоззрения участников реформ, как социально-политическая ситуация в Советском Союзе в 1960–1970-е гг., рецепция в советской академической науке западных экономических теорий, реализация новых образовательных проектов: создание математических и языковых спецшкол, появление специальности «Экономическая кибернетика» в университетах. Для лучшего понимания бэкграунда будущих реформаторов был осуществлён ряд выборочных интервью, позволивших выявить определённые закономерности формирования их мировоззрения. Вскрыты предпосылки радикального идеологического разрыва группы с позициями как западного, так и отечественного экономического мейнстрима. Проведён сравнительный анализ особенностей формирования реформаторских команд в XIX (Великие реформы) и в XX вв. Прослежено влияние исследований ряда отечественных и зарубежных экономистов на формирование теоретических воззрений группы. Описан процесс консолидации группы молодых экономистов в дореформенный период. Работа представляет собой начало цикла статей о российских экономических реформах.

Ключевые слова: экономические реформы, 1990-е годы, молодые реформаторы, мировоззрение, формирование команды.

JEL: A11, A22, B25, B30, B52

УДК: 338(091)

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_158_179

© С.А. Васильев, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Васильев С.А. Экономические реформы в России 90-х гг.: формирование команды и идеологии реформаторов // Вопросы теоретической экономики. 2025. №4. С. 158–179. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_158_179.

FOR CITATION: Vasiliev S. Economic Reforms in Russia in the 1990s: Forming a Team and Ideology of Reformers // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 4. Pp. 158–179. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_158_179.

Введение

В период 1990–2000 гг. Россия прошла ряд крупных политических и социально-экономических преобразований, связанных с крахом коммунистического режима и модели государственной плановой экономики. В политической сфере, по сути дела, произошла реставрация конституционного режима, разрушенного большевистским переворотом в январе 1918 г. (ропуск Учредительного Собрания), сопровождавшаяся восстановлением представительного правления и политических прав и свобод после семидесятилетнего перерыва. В правовой сфере была воссоздана независимая судебная система и гражданское законодательство. В сфере экономической была осуществлена приватизация государственной собственности, проведена либерализация цен и открыты внешние рынки.

Наиболее трудно реализуемой частью социально-экономических преобразований были экономические реформы, имевшие целью преобразовать плановую экономику в рыночную. Переход от системы планового хозяйства к рыночной экономике проходил достаточно болезненно и сопровождался сильным экономическим спадом. Однако в результате преобразований была создана вполне эффективная экономическая система, позволившая добиться в начале XXI в. значительных темпов экономического роста и существенно повысить уровень народного благосостояния.

Особенностью российских экономических реформ 90-х гг. было то, что они проводились консолидированной группой относительно молодых экономистов, имевших сходный бэкграунд и общавшихся друг с другом ещё в дореформенный период.

В первой части данной работы мы попытаемся проанализировать внешние условия, повлиявшие на формирование указанной группы и её политических установок, опираясь на следующие факторы:

- ▶ особенности социальной атмосферы СССР 1960–1970-х гг.;
- ▶ рецепция неоклассического синтеза в советской экономической теории в советской экономической науке;
- ▶ развитие экономического и среднего специального образования.

Во второй части работы мы выборочно проанализируем биографии группы экономистов, принявших активное участие в выработке концепции реформ и её реализации и обратим особое внимание на факторы, способствовавшие консолидации реформаторской группы, выработке относительно близких теоретических и практических взглядов на экономическое развитие и характер будущих реформ.

Третья часть статьи посвящена теоретическим воззрениям группы реформаторов и процессу формирования единой команды.

История формирования группы молодых реформаторов неплохо описана в современной литературе, однако эти источники не претендуют на систематическое описание процесса формирования команды и её теоретических воззрений. В этом смысле прорывными стали работы зарубежных исследователей Э. Лидса [Leeds, 2016] и Т. Рупрехта [Ruprecht, 2022], в которых системно анализируется эволюция экономической науки в СССР и предпосылки формирования либеральной экономической идеологии в 1970–1980-х гг.

Экономические реформы 1990-х гг. имеют некоторую аналогию с Великими реформами (особенно Крестьянской реформой) в том смысле, что они также были задуманы и проводились относительно узкой группой профессионалов, тесно общавшихся друг с другом задолго до начала реформ и выработавших общее понимание направления реформ и технологии их проведения. Эта ситуация, вообще говоря, не является типичной для российских реформ. Реформы в начале XIX и XX вв. проходили совершенно по-другому. Михаил Сперанский был реформатором-одиночкой; реформы начала XX в. готовились достаточно разобщённо профессионалами в разных ведомствах (Владимир Гурко, Александр Кривошеин, Александр Риттих), а отношения между двумя ведущими реформаторами — Витте и Столыпиным — были откровенно враждебными [Васильев, 2022a; Васильев, 2022b].

В данной работе автором применён (в ограниченной форме) метод сравнительной просопографии в отношении реформаторских групп XIX и XX вв., что позволяет анализировать российские реформы в исторической перспективе и лучше понять источники их успехов и неудач.

Просопографический подход к изучению исторических процессов позволяет получить определённое новое знание, которое невозможно извлечь из индивидуальных биографий. Так, при изучении жизнеописаний общественных и государственных деятелей эпохи Великих реформ выясняется, что большинство из них провело детские годы в деревне, где они получали домашнее образование. Отсюда можно сделать вывод (подтверждаемый

воспоминаниями) о том, что крестьянский вопрос имел для них не только общественное, но и личное значение¹.

В то же время техника анализа «коллективных биографий» реформаторов XIX и XX вв. имеет значительные различия. Существует большой комплекс воспоминаний активных деятелей Великих реформ, их друзей и родственников, а также значительный объём личной переписки. В отличие от этого, современные реформаторы, по большей части, мемуаров пока не написали, а те материалы, которые вышли в печати, освещают преимущественно события, непосредственно предшествующие реформам и сам ход реформ, которые и без этого достаточно хорошо задокументированы. Автору также неизвестны какие-либо эпистолярные источники по истории современных экономических реформ.

Ни социальное происхождение будущих реформаторов, ни их образование и коммуникации в период профессиональной подготовки до сих пор не описаны и, соответственно, никак не проинтерпретированы. Для заполнения этой лакуны автором были проведены интервью с рядом общественных деятелей эпохи реформ конца XX — начала XXI вв.

В подготовке и реализации экономических реформ 1990-х гг. принимала участие довольно широкая группа молодых реформаторов, имевших преимущественно экономическое образование. Ядро этой группы составили примерно двадцать человек. По разным причинам далеко не все фигуранты были доступны для проведения интервью.

Поэтому потенциальный список интервьюируемых был дополнен экономистами тех же годов рождения, что и участники «команды реформ», которые были хорошо знакомы с будущими реформаторами, участвовали в обсуждениях и имели сходный профессиональный бэкграунд, однако не были активными участниками процесса реализации экономических реформ. В итоге мы имеем 14 интервью с экономистами 1947–1961 гг. рождения, из трёх городов (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск), известных своим участием в экономических реформах и своими достижениями в экономических науках.

Данная работа открывает *цикл статей* автора об экономических реформах в современной России. Следующие статьи будут посвящены анализу программ экономических реформ, их реализации в 1990–2010 гг. и оценке результатов реформ.

Внешняя среда

Особенности социальной атмосферы СССР в 1960–1970-х гг.

С учётом дат рождения реформаторов, охватывающих период 1947–1961 гг., время формирования их личностей приходится условно на период с 1956 (XX съезд КПСС) до 1982 г. (смерть Брежнева). Разумеется, и предшествующее поколение — те, кто родились в военные и первые послевоенные годы, имели все шансы стать поколением «молодых реформаторов». С одной стороны, их ещё окружали более-менее крепкие люди, прошедшие хотя бы первый этап сознательной жизни ещё до революции, получившие дореволюционное образование и чудом уцелевшие в годы репрессий. Они могли передать свой образовательный опыт, а также познакомить с изданной в те времена экономической литературой (правда, сама эта литература за 30–50 лет уже устарела). Некоторым повезло на работе с профессионалами старой школы. Скорее, это происходило именно при их переходе после окончания ВУЗа в академический институт (от преподавания таких людей стремились

¹ История формирования группы общественных деятелей, задумавших и осуществивших Великие реформы в середине XIX в. хорошо описана в мемуарной и биографической литературе. Здесь необходимо упомянуть семитомное издание мемуаров Дмитрия Милютин [Милютин, 1997–2006], биографии Николая Милютина [Леруа-Болье, 2025], Юрия Самарина [Нольде, 2003] и Ивана Аксакова [Тесля, 2014]. Большое количество ценной информации содержится в воспоминаниях участников реформ Александра Кошелева [Кошелев, 2002], кн. Дмитрия Оболенского [Оболенский, 2017], Петра Семенова [Семенов Тян-Шанский, 2018] и Якова Соловьева [Соловьев, 1881–1884]. Некоторый свод информации по реформаторам середины XIX в. имеется в книге Линкольна [Lincoln, 1990] и в очерке автора [Васильев, 2024].

удалить). С особо талантливыми и надёжными мэтры могли там откровенно разговаривать. Особая атмосфера для такого рода общения впоследствии возникла в Новосибирском академгородке, ставшем прибежищем для уцелевших талантливых учёных старой (да и талантов новой) школы.

Но всё же у этого поколения был существенный изъян: они формировались до 1956 г. — года XX съезда КПСС. И хотя в этот период режим уже ослаблялся, сама атмосфера в обществе не позволяла образовываться кружкам, объединённым обсуждением общественных проблем. Поэтому практически не было обсуждения в группах этого возраста, скажем, событий в Венгрии 1956 г. В лучшем случае об этом говорили два-три преданных друга. Сама жизнь отталкивала от изучения общественно-научных дисциплин и нацеливала на более «нейтральную» естественно-научную сферу.

В целом этот период можно разделить на два отчётливо различных этапа: 1956–1968 гг. (оттепель и период коллективного руководства в раннебрежневский период) и 1968–1982 гг. (застой и единовластие Брежнева). Водоразделом здесь служат события в Чехословакии, и группа единомышленников, например, кружков респондентов разделилась по возрастному признаку на две части: те, для которых события в Чехословакии были осознаны, и те, для кого они прошли незаметно. Этот водораздел проходит на уровне респондентов 1956–1958 гг. рождения.

Надо сказать, что эти два периода развития советского общества сильно отличаются по своему содержанию и эмоциональному состоянию общества.

Хрущёвская оттепель воспринималась на бытовом уровне как возврат к нормальной жизни, а в идеологическом плане — как переход к действительно новому коммунистическому обществу. Причём к этим идеям серьёзно относились и верхи, и низы. Главным политическим содержанием этого периода были десталинизация, дебюрократизация и децентрализация. В социальном плане важным моментом стало начало массового жилищного строительства и развитие самоуправления на низовом уровне. Это было время большой открытости и высокого градуса общественного оптимизма.

В определённой степени продолжение этой политики происходило в русле так называемого коллективного руководства (1964–1968 гг.). К этому времени относится запуск Косыгинской экономической реформы, сокращение сроков службы в армии и на флоте, введение пятидневной рабочей недели.

Ключевыми событиями периода, последовавшего за вторжением войск стран Варшавского договора в Чехословакию, стало свёртывание экономической реформы, сосредоточение политической власти в руках Л.И. Брежнева и начало ползучей ресталинизации страны. В области идеологии брежневский режим оставил позади все разговоры о грядущем коммунистическом обществе. В концепции развитого социализма, принятой в это время, не было никаких идеалов ни вблизи, ни вдали. Идеология полностью ушла из жизни партийных комитетов, работа в них рассматривалась лишь как необходимая ступенька в административной карьере. В политической сфере была усилена цензура в литературе и киноискусстве, начались преследования инакомыслящих.

Закручивание гаек довольно жёстко подействовало на поколение шестидесятников (людей 1930-х гг. рождения). Их идеи и ожидания, которые начали было реализовываться в хрущёвскую эпоху, были теперь заморожены, время начало двигаться вспять. Вообще стало опасно публично говорить то, что думаешь, общественная жизнь переместилась на кухни недавно построенных отдельных квартир советской интеллигенции. Именно на этих кухнях дети шестидесятников получали информацию о том, что происходит в стране и мире.

Для поколения будущих реформаторов сама перемена эпох прошла относительно незаметно: в 1968 г. большинство из них ещё училось в школе. Однако общественная атмосфера 1970-х гг. на них подействовала определённым образом. Во-первых, идеологический

зажим вызвал общественную апатию. В университетах это проявилось в значительной степени отчуждения профессоров от студентов. Студенты, и даже аспиранты, были профессорам неинтересны. Впрочем, профессорам зачастую были неинтересны даже их собственные исследования. Интересным было получение новой квартиры, покупка новой машины, для самых удачливых — зарубежные поездки.

Это вполне подтверждается в интервью молодых экономистов 70-х гг., ни у кого из них не было доверительных отношений с их профессорами. Более того, практически никто из ведущих профессоров экономических ВУЗов не повлиял на экономические воззрения своих тогдашних студентов. Именно по этой причине уже с начальных курсов любознательные студенты быстро выходили за круг университетских программ обучения и формировали собственные оригинальные, хотя иногда и доморощенные, воззрения на экономическую действительность.

Во-вторых, принципиальное решение нового партийного руководства отбросить все социальные идеалы оказало весьма отрезвляющее действие на молодое поколение интеллектуалов. Вся идеологическая работа типа «ленинского зачёта» выглядела бессмысленным ритуалом. Славословия на съездах в адрес «дорогого Леонида Ильича» вызывали насмешку, что, впрочем, имело общенародный характер: вряд ли в стране когда-либо рассказывали такое количество анекдотов вообще, а в особенности про партийных руководителей: Брежнева и Ленина (серия анекдотов, посвящённых столетию со дня рождения последнего). Между тем деградация экономики была видна невооружённым глазом.

Подводя итоги можно сказать, что молодые люди, пришедшие в экономическую профессию на рубеже 1970-1980-х гг., не имели никаких предубеждений и представляли собой «*tabula rasa*», на которой, впрочем, никто ничего не собирался писать. В этом смысле студенты-экономисты 1970-х гг. формировали себя сами.

Состояние экономической науки в 1960-1970-е гг.

Большинство реформаторов эпохи девяностых — нулевых гг. имели экономическое образование соответствующего «духу времени» периода их обучения, что представляется весьма естественным: экономические реформы в это время представляли собой самую сложную задачу. Между тем в предшествующих поколениях российских реформаторов-экономистов не было вовсе — и по очень простой причине: в это время в университетах отсутствовали экономические специальности. Реформаторам XIX в. пришлось осваивать экономическую науку самостоятельно: выпускник юридического факультета Киевского университета Николай Бунге стал самым заметным российским экономистом середины XIX в., преподавал экономику наследнику престола, закончил свою карьеру министром финансов и председателем Комитета Министров. Организатор разработки крестьянской реформы, выпускник Благородного пансиона при Московском университете Николай Милютин на своей службе в МВД активно занимался экономической статистикой: большинство его опубликованных работ посвящены экономико-статистическому описанию российских регионов. Один из наиболее выдающихся общественных деятелей эпохи Великих реформ Юрий Самарин также изучал экономику самостоятельно и стал одним из ведущих российских специалистов по вопросам налогообложения.

Если же говорить о советском времени, то в 30–50 х гг. XX в. экономической науки в СССР практически не существовало — её заменила марксистско-ленинская политическая экономия. Любые инициативные попытки развивать хотя бы прикладные исследования пресекались. Техника линейного программирования, разработанная Л.В. Канторовичем ещё в 1939 г., была справедливо клеймена как антимарксистская, поскольку объективно обусловленные оценки (теневые цены) в модели Канторовича никак не были связаны с трудовыми затратами. Экономические специальности в ВУЗах не пользовались престижем, талантливая молодёжь почти поголовно шла в точные и технические науки.

Ситуация, однако, радикально изменилась в начале 1960-х гг., и этим изменениям, способствовали несколько факторов. Во-первых, в 1950-е гг. в мировой экономической науке произошла так называемая «математическая революция». На самом деле математические методы активно применялись экономистами ещё в XIX в., однако математическая техника была достаточно примитивной, и значительное число работ выдающихся экономистов использовали математические методы в минимальной степени: вспомним, например, знаменитую «Общую теорию занятости, процента и денег» Дж.М. Кейнса.

В работах же экономистов послевоенного поколения применялись довольно продвинутое математические модели, превратившие экономику в точную науку. Именно в это время были достигнуты выдающиеся результаты во всех отраслях экономического знания. В 1954 г. Кеннет Эрроу и Жерар Дебрё доказали существование точки статического равновесия для модели совершенной конкуренции [Arrow, Debreu, 1954]. В 1956 г. Роберт Солоу разработал модель экономического роста на основе производственной функции, которая легла в основу всех будущих моделей экономического роста [Solow, 1956]. В 1958 г. Дорфман, Самуэльсон и Солоу сформулировали так называемую «теорему о магистрали», которая представляет собой приложение идей общего равновесия к экономической динамике [Dorfman, Samuelson, Solow, 1958].

За пределами собственно математической экономики в эти годы также появился ряд работ выдающихся экономистов. Достаточно упомянуть три из них: это «Процесс экономического роста» У. Ростоу, «Модели человека» Г. Саймона и «Общество изобилия» Дж.К. Гэлбрейта [Rostow, 1952; Simon, 1957, Galbraith, 1958].

Во-вторых, в это время советская экономика превратилась в довольно сложную экономическую систему, и традиционные методы планирования не справлялись с большим количеством материальных балансов. А господство валовых плановых показателей стимулировало избыточный расход ресурсов. По этой причине в условиях идеологической оттепели практические работники начали испытывать интерес к математическим моделям: межотраслевому балансу Василия Леонтьева и теории оптимизации Леонида Канторовича, тем более что быстрое развитие вычислительной техники делало возможным проведение расчётов по моделям большой размерности.

В-третьих, чрезвычайно сложный математический аппарат западной экономической теории, в принципе непонятный для большинства советских экономистов, позволил пересадить её на советскую почву как особую экономическую дисциплину: «математическую экономику» — техническую отрасль экономической науки, не вступающую в противоречие с марксистско-ленинской политической экономией. Более радикальная трактовка определяла новую дисциплину как «экономическую кибернетику», выводя её за пределы собственно экономической науки в сферу «наук об управлении», наряду с технической кибернетикой, биокибернетикой и т.д.

Основным направлением исследований советских экономистов-математиков стала так называемая теория оптимального функционирования социалистической экономики, известная также как СОФЭ (Система Оптимального Функционирования Экономики). В рамках этой теории предполагалось построение системы оптимизационных моделей, охватывающей все уровни иерархии народного хозяйства. Критерием оптимальности здесь являлась максимизация функции общественного благосостояния с учётом наиболее полного использования имеющихся ресурсов. Отсюда возникал некоторый мостик к идеям рыночного социализма: объективно обусловленные оценки ресурсов в оптимизационной модели выступали как «теневые цены», использование которых в системе хозяйственного расчёта позволило бы отказаться от жёстких директивных заданий. Ориентируясь на критерий максимизации, прибыли предприятия в этой концепции автоматически выходили бы на плановые показатели, рассчитываемые в модели.

В практическом же плане предполагалось, на основе комплекса оптимизационных моделей, создать единую государственную систему управления экономикой (ОГАС) как общесоюзную сеть вычислительных центров. Она должна была получать информацию с уровня предприятий, интегрировать её в модель национальной экономики, рассчитывать оптимальный план для всего народного хозяйства, дезагрегировать его и доводить этот план до всех отраслей и предприятий.

Надо сказать, что даже в эпоху безудержного технологического оптимизма, характерного для начала 1960-х гг., у многих исследователей были серьёзные сомнения относительно практической реализуемости такого подхода. Для характеристики идей ОГАС был даже выдуман специальный термин «глушковщина» — производное от фамилии главного идеолога ОГАС академика В.М. Глушкова [Бирман, 2001. С. 209]. Тем не менее именно Глушков благодаря своему политическому весу смог включить в Постановление ЦК КПСС и Совета Министров «Об улучшении руководства внедрением вычислительной техники и автоматизированных систем управления в народном хозяйстве» (№563 от 21.05.1963) особый пункт (номер 17) о создании Центрального экономико-математического института Академии наук СССР (ЦЭМИ), который вскоре стал самым крупным академическим институтом в сфере общественных наук.

Важным фактором повышения интереса к экономическим наукам стало проведение в СССР экономической реформы 1965 г., предполагавшей развитие самостоятельности предприятий, уменьшение числа плановых показателей, доводимых до предприятий сверху, повышение роли прибыли и рентабельности, увязывание фондов стимулирования предприятий с прибылью и рентабельностью. Эта реформа широко освещалась в прессе и на телевидении, в научно-популярных изданиях и брошюрах.

Наряду с этим повышалась роль экономических и финансовых служб, была введена должность заместителя директора — главного экономиста предприятия.росло число штатных должностей, замещаемых экономистами с высшим образованием. Все это привело к повышению статуса экономических специальностей до такой степени, что в начале 1970-х гг. конкурс в экономические ВУЗы составлял 4–5 человек на место, в то время как за 10 лет до этого он не превышал 1–2 человек.

Изменения в системе высшего и среднего образования

Внедрение математических методов в советскую экономическую науку происходило довольно быстрыми темпами и создавало серьёзные кадровые проблемы: большинство советских экономистов имело весьма слабую математическую подготовку, так что выпускники экономических факультетов, приходившие на работу в новые учреждения экономико-математического профиля, вынуждены были самостоятельно доучиваться математике. Отчасти проблема решалась с приходом в экономическую науку хорошо подготовленных математиков, но здесь возникала иная проблема: математики плохо понимали суть экономических процессов и привносили в свои исследования и разработки достаточно формальные и механистические подходы.

Таким образом, проблема подготовки специалистов, сочетающих хорошее понимание экономики с хорошим владением математическими методами, становилась крайне актуальной. Первой ласточкой в этой сфере стало создание по инициативе Л.В. Канторовича так называемого «шестого курса», организованного на экономическом факультете Ленинградского университета в 1959 г. На этом курсе, в частности, учились такие выдающиеся экономисты, как Александр Анчишкин, Иван Сыроежин, Станислав Шаталин. Уже в 1960 г. были созданы экономико-математические отделения на экономических факультетах Московского и Ленинградского университетов, а в 1962 г. — на гуманитарном факультете Новосибирского университета. В 1964 г. специальность получила

новое название «экономическая кибернетика», а концу 1960-х гг. кафедры экономической кибернетики были открыты во многих городах Советского Союза.

В 1970-е гг. ведущее место в системе экономико-математического образования заняли три кафедры экономической кибернетики: Московского университета, Новосибирского университета и Ленинградского финансово-экономического института под руководством трёх известных специалистов в этой сфере: Станислава Шаталина, Александра Гранберга и Ивана Сыроежина. Эти кафедры имели особый статус и обучали студентов по своим собственным учебным планам. Выпускники именно этих трёх кафедр составили непропорционально большую долю в группе молодых реформаторов. Специалисты этих кафедр вели профильные занятия и на других отделениях экономических факультетов уже в 1960-е гг.

Не менее важную роль в формировании молодого поколения экономистов сыграли изменения в системе среднего образования, а именно: создание физико-математических школ и значительное увеличение числа языковых школ.

Создание физико-математических школ стало инициативой группы ведущих математиков страны, тесно связанных с военно-промышленным комплексом. В это время бурное развитие военных технологий требовало решения крайне сложных математических задач, для некоторых из которых приходилось разрабатывать совершенно новые инструменты, такие, например, как теория оптимального управления [Понтрягин, 1961]. Спрос на сильных математиков предъявляла также быстрорастущая компьютерная отрасль. В этой связи необходимо было находить и развивать математические таланты уже на школьной скамье. Математические олимпиады решали эту задачу только отчасти, в то время как специализированные школы позволяли не только выявлять математически одарённых подростков, но и преподавать им уже в школе институтские курсы высшей математики. Эта инициатива хорошо совмещалась с идеями хрущёвского правительства о расширении специальной профессиональной подготовки в средних школах.

Первые физико-математические школы открывались практически явочным порядком, без каких-либо решений партии и правительства. Так, физико-математические школы появились в Ленинграде в 1961–1962 гг. (№30 и №239) и в Москве (физматшкола №2). В 1963 г. было принято решение Совета Министров СССР о создании в Москве, Ленинграде, Киеве и Новосибирске четырёх физико-математических школ-интернатов.

Надо отметить, что физико-математические школы давали не только отличное физико-математическое, но также и хорошее гуманитарное образование. В этих школах работали очень сильные учителя истории и литературы. Неудивительно, что в брежневское время физматшколы стали рассадником диссидентства и попали под пресс партийных органов (напомним о разгроме второй школы в Москве в 1971 г., слиянии 30 и 38 школ в Ленинграде в 1976 г.).

Другим важным нововведением начала 1960-х гг. стало широкое распространение языковых спецшкол. Первые языковые спецшколы были созданы в послевоенное время, когда в стране стала ощущаться нехватка специалистов со знанием иностранных языков, необходимых отчасти для нужд советской пропаганды, а отчасти для разведывательной работы. Неслучайно первый (нереализованный) проект создания языковых спецшкол был разработан под эгидой Военного института иностранных языков. Ранее проблема обучения иностранным языкам решалась, но только отчасти, на уровне родителей, понимавших её значимость: благодаря члену семьи, хорошо владевшему одним либо несколькими языками, или с помощью репетиторов.

Первые языковые школы были открыты в Ленинграде в 1948 г., в Москве в 1949 г. Уже на первом этапе их деятельности сложилась концепция и технология работы, основанная не только на обучении разговорному языку, но и на широком погружении в культуру страны, а также на преподавании ряда предметов на изучаемом языке [Майофис, 2016]. Языковые спецшколы в первые послевоенные годы не получили большого распространения: не

хватало подготовленных учителей и учебных пособий. В середине 1950-х гг. количество таких школ не превышало двух десятков на всю страну.

Ситуация резко изменилась в начале 1960-х гг., когда согласно постановлению Совета Министров СССР от 27 мая 1961 г. в стране были открыты 700 языковых спецшкол и несколько десятков интернатов с углублённым изучением иностранных языков. К этому времени проблемы подготовки кадров и учебных пособий были решены, так что в дальнейшем число языковых спецшкол стало увеличиваться экспоненциально.

С самого начала спецшколы приобрели элитный характер: там учились преимущественно дети номенклатуры и интеллигенции. Все попытки увеличить долю детей рабочих в составе обучающихся не давали результата. Языковые спецшколы за счёт более высокого культурного уровня обучающихся обеспечивали и более высокий уровень преподавания (хотя, конечно, не такой высокий, как физматшколы), что требовало и более высоких предварительных знаний для поступающих. Однако наиболее важные социально-политические последствия имело погружение учащихся в культуру зарубежных стран: изучение их истории и географии, чтение в оригинале иностранной литературы. Надо отметить, что к этому времени в СССР начали выходить массовыми тиражами неадаптированные издания книг зарубежных авторов, прежде всего на английском языке, которые учащиеся старших классов спецшкол могли легко прочитать. С середины 1970-х гг. в условиях разрядки в книжных магазинах появились книги, изданные за рубежом, что дополнительно расширило потенциальный круг чтения.

В Москве и Ленинграде у учеников спецшкол была возможность общаться со своими сверстниками, совершавшими турпоездки по Советскому Союзу. Ученики старших классов спецшкол привлекались на общественных началах на работу в качестве экскурсоводов для групп зарубежных туристов. Даже в сфере музыкальной культуры у учащихся спецшкол были преимущества: они могли легко понимать тексты песен английских и американских исполнителей, весьма популярных в СССР в это время.

Таким образом, среди детей элиты и интеллигенции сложилась особая субкультура, в которой активно воспроизводились зарубежные паттерны поведения, Запад не воспринимался через призму «образа врага», а свободное посещение зарубежных стран становилось насущной потребностью.

Формирование личностей

Социальное происхождение будущих реформаторов

Первая особенность, которая бросается в глаза при изучении биографий будущих реформаторов — это то, что среди их предков нет коренных москвичей или петербуржцев. Впервые их предки, деды или прадеды, появляются в этих городах в начале XX в. Это три семьи, которые относятся к высшему и среднему классу: купец первой гильдии, богатый домовладелец, хорошо оплачиваемый инженер (отметим, что все трое — нерусского происхождения).

Вторая волна переселения происходит на рубеже 1920–1930-х гг. и связана с коллективизацией и индустриализацией. В это время в столичных городах появляются ещё четыре типа семей. Однако наиболее распространённой является ситуация, когда молодые люди после войны приезжают в Москву или Ленинград для поступления в столичные ВУЗы, там знакомятся и женятся. В нашей подборке интервью таких семей семь.

Родители многих опрашиваемых родились на рубеже 1920–1930-х гг., и по этой причине не попали во время войны в действующую армию, однако многие оказались в эвакуации. Они поступали в ВУЗы в начале 1950-х гг. и выбирали преимущественно технические специальности. Исключения есть: по одному разу встречаются юридическое, филологическое и философское образование.

Экономистов в этом поколении немного: в одной семье родители — преподаватели политэкономии, в другой семье отец — экономист на морском торговом флоте, в третьей семье мать окончила экономический ВУЗ и работала преподавателем.

Преобладающее социальное происхождение: из мещан. Предки из дворян зафиксированы в двух случаях, из крестьян — в трёх случаях. В трёх семьях были предки из священнослужителей, в трёх семьях — казаки (уральские и черноморские), в двух семьях — старообрядцы. Шесть человек происходят из смешанных русско-еврейских семей. И в городских, и в сельских семьях среди предков и родственников постоянно упоминаются учителя, в подавляющем числе — русского языка и литературы (два исключения: преподаватель математики и преподаватель географии). Значительно реже упоминаются врачи. Важно также и то, кого нет среди предков опрашиваемых: здесь нет профессиональных военных, хотя во время войны несколько человек были в действующей армии. Здесь нет сотрудников каких бы то ни было органов, а также партийных и номенклатурных работников. Сталинские репрессии коснулись только двух семей².

Школьное образование и выбор профессии

Школьное образование опрашиваемых было весьма разнообразным. Важно, однако, то, что к моменту их поступления в начальную школу было отменено раздельное обучение мальчиков и девочек, наступила оттепель и советская школа приобрела более или менее человеческий вид. Если говорить об уровне преподавания, то три человека из списка закончили ведущие физико-математические школы страны: 2-ю школу в Москве, 10-ю школу в Новосибирске и 239-ю школу в Ленинграде. Четыре человека окончили специализированные языковые школы в Москве и Ленинграде. У двух человек школы были неспециализированными, но в значительной степени элитными: исторически и по местоположению. Из оставшихся пяти опрашиваемых двое признали уровень своих средних школ неудовлетворительным.

Любимым предметом почти у всех опрашиваемых была история, в меньшей степени география, а также литература. Одновременно почти все имели хорошие математические способности. Даже те, кто учились в неспециализированных школах, регулярно участвовали в районных и городских олимпиадах по математике и получали там дипломы (хотя не всегда самой высокой степени).

Круг школьного внеклассного чтения был довольно типичным: приключения и фантастика, научно-популярные книги по истории и географии. Александр Дюма, Жюль Верн, Фенимор Купер, Майн Рид, братья Стругацкие (отмечены почти всеми). Круг чтения в старших классах трудно отделить от круга чтения в ВУЗах. Здесь выделяются Эрнест Хемингуэй, Эрих Мария Ремарк, Михаил Булгаков, Юрий Трифонов. Важным фактором в выборе книг были мамы и бабушки, многие с хорошим гуманитарным образованием (учительницы, сотрудницы библиотек, редакторы в издательствах). Во многих семьях были доступны книги самиздата и тамиздата (Александр Солженицын, Иосиф Бродский, Джордж Оруэлл).

Впоследствии, хотя и не сразу, выяснилось, что почти все опрошенные имеют отличные литературные способности, причём некоторые из них не только в своём профессиональном жанре (экономике), но и в художественной литературе.

Это, по-видимому, связано с двумя факторами: во-первых, с семейной наследственностью — не случайно так много учителей русского языка среди предков и родственников, во-вторых, с правильной организацией круга чтения в семье и школе. В сухом остатке мы имеем группу молодых людей с очень странным сочетанием способностей: им нравятся

² Если говорить о группе респондентов в терминах среднего класса, то большинство их принадлежало к семьям типа middle middle, с редкими исключениями в сторону upper и lower middle.

гуманитарные науки, у них сильный математический ум и они умеют хорошо излагать свои мысли на бумаге.

Значительная часть опрошенных, несмотря на свои успехи в математике, склонялась к выбору гуманитарных специальностей. Наиболее распространённой была идея поступать на исторический факультет (в списке были ещё филологический и географический факультеты). Идея поступления на исторический факультет отвергалась родителями с порога: отпрыскам объясняли, что они в таком случае станут учителями истории в школе. В особенности недоумевали родители с техническими профессиями: у детей так хорошо шла в школе математика, так почему не поступать на мехмат (матмех) или в какой-нибудь технический вуз?

Специальность «экономическая кибернетика» выступала здесь как некоторый компромисс: с одной стороны, гуманитарная наука, с другой стороны — широко изучается и используется математика. В результате специальность «экономическая кибернетика» выбрали 9 человек из 14. Ещё двое поступили на специальность «политическая экономия» в то время, когда кибернетика ещё не была так популярна, однако их дипломные работы и кандидатские диссертации были сильно математизированы и вполне могли пройти по кафедре экономической кибернетики. Только два человека закончили обучение по кафедре политической экономии и работали потом преподавателями политической экономии в ВУЗах.

Их университеты

Большинство респондентов (шесть человек) закончило экономический факультет МГУ, трое — экономический факультет Ленинградского университета, по двое — экономический факультет Новосибирского университета и отделение экономической кибернетики Ленинградского финансово-экономического института, один человек — Московский финансовый институт.

На вопрос о том, какие профессора экономики повлияли на мировоззрение респондентов, основной ответ был: никакие. Хотя были отмечены несколько профессоров, лекции которых представляли интерес. В Московском университете это С.М. Меньшиков, Е.З. Майминас (который вел специальный семинар), А.М. Емельянов. В Новосибирском университете — тот же С.М. Меньшиков (он переехал в Новосибирск из Москвы), М.К. Бандман, К.К. Вальтух. В Ленинградском университете: В.Л. Шейнис, Л.С. Бляхман, Н.Н. Воробьев.

С самых первых дней учёбы в университетах молодые экономисты начали читать зарубежную экономическую литературу, на первых порах в переводах. Все читали одни и те же книги, поскольку переводной литературы было мало. Главным хитом был учебник экономики П. Самуэльсона, причём один из респондентов вспоминает, что он купил эту книгу в букинистическом магазине за огромные по тем временам деньги: 25 рублей. Более доступным учебником была книга Л. Столерю «Равновесие и экономический рост», выпущенная большим тиражом в издательстве «Статистика» в 1974 г. Что касается прикладных исследований, то в 1966 г. на русском языке была опубликована фундаментальная книга У. Баумоля «Экономическая теория и исследование операций», а в 1975–1976-х гг. вышел двухтомник Э. Маленво «Статистические методы эконометрии» [Самуэльсон, 1964; Столерю, 1974; Баумоль, 1966; Маленво, 1975; Маленво, 1976].

Судя по проведённым интервью, важным источником «вдохновения» для молодых экономистов стали книги отцов-основателей кибернетики Н. Винера, У.Р. Эшби и Ст. Бира, добавившие долю стереометрии в их экономические воззрения. Действительно, принцип необходимого разнообразия, предложенный Эшби, утверждал, что разнообразие управляющей системы должно превосходить разнообразие управляемой системы, что

в содержательном плане не только приводило к вопросу о неэффективности Госплана, но и ставило под сомнение любые идеи оптимального планирования. А теорема неполноты Гёделя, подробно разобранный в книге Бира, указывала на принципиальную ущербность любых сложных экономико-математических моделей [Винер, 1958; Эшби, 1959; Бир, 1963].

Неудивительно, что большая часть респондентов с большим скепсисом относились к идеям СОФЭ (системы оптимального функционирования экономики), разрабатываемым в ЦЭМИ и в новосибирском Институте экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР³. Никто из них не занимался этой проблематикой ни в дипломных работах, ни в диссертационных исследованиях, предпочитая эконометрику и конкретно-экономические проблемы.

Методы межотраслевого анализа, которые начали в это время широко применяться, в том числе и в прогнозировании, также вызывали большие сомнения. Во-первых, в матрице Василия Леонтьева технологические коэффициенты зафиксированы, и здесь нет возможности замены одних ресурсов другими. Во-вторых, расчёт коэффициентов матрицы Леонтьева требовал проведения раз в несколько лет почти сплошных и очень трудоёмких обследований, качество которых по ряду причин было недостаточно удовлетворительным. В частности, вся официальная статистика собиралась по так называемым хозяйственным отраслям, в то время как межотраслевой баланс рассчитывался по чистым отраслям, поэтому возникала проблема правильного разнесения затрат между чистыми отраслями внутри обследуемых предприятий. Значительная часть экономики относилась к военному сектору, откуда в лучшем случае поступали некоторые агрегированные результаты. Многоотраслевые модели экономики оказывались в прогнозировании очень неустойчивыми в связи с трудностями калибровки, а агрегированные модели были более устойчивыми, но менее содержательными.

Отсутствие развитых личных контактов между старшим и младшим поколениями экономистов и скептическое отношение молодёжи к теме оптимального планирования были существенным фактором взаимного отчуждения, которое в период проведения реформ проявилось у старшего поколения в тотальном неприятии взглядов и практики реформаторов. Действительно, экономические реформы сделали ненужными не только оптимизационные и межотраслевые модели, но даже такой реальный шедевр советской экономической науки, как Комплексная программа научно-технического прогресса — всё, что было святого у старшего поколения экономистов-математиков.

Парадоксальным образом в следующем поколении экономистов ситуация снова перевернулась: поколение реформаторов ушло в правительство, а старшее поколение продолжило читать лекции в университетах. Так что у нового поколения экономистов сложилось негативное отношение к реформам 1990-х гг. Что, впрочем, не помешало представителям этого поколения неплохо продвинуться в рыночной экономике России начала XXI в.

Самообразование

На младших курсах доступ для студентов в ведущие библиотеки столиц был затруднён: для работы в них, как правило, требовалось письмо из ВУЗа. К старшим курсам ситуация менялась: большинство респондентов к этому времени уже имели устойчивые связи на выпускающих кафедрах и необходимые бумаги подписывались достаточно легко.

В Москве потребности в зарубежной экономической литературе процентов на восемьдесят удовлетворяла библиотека Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН), новое здание которого было открыто в 1975 г. в непосредственной близости от всех академических институтов экономического профиля.

³ В 1957 г. в постановлении Президиума АН СССР назывался Институт экономики и статистики СО АН СССР, но уже в 1958 г. (год основания) был переименован в ИЭиОПП СО АН СССР.

В Ленинграде ситуация с англоязычной экономической литературой обстояла значительно хуже: здесь было на порядок меньше необходимых респондентам книжных изданий, и они были примерно поровну распределены между Публичной библиотекой и Библиотекой Академии наук. Справедливости ради следует отметить, что в Ленинграде были доступны практически все ведущие англоязычные экономические журналы. Но в любом случае для полноценного изучения зарубежных источников ленинградцам приходилось выезжать в ИНИОН.

Если литература по экономической теории находилась, как правило, в открытом доступе, то всё, что касалось советской экономики направлялось в спецхран, впрочем, как и многие работы по философии, социальным наукам и политологии. Респонденты получали туда доступ, как правило, уже после окончания ВУЗов и перехода на работу в академические институты. В любом случае это было достаточно нерегулярное чтение и недостаток широкого гуманитарного образования — характерная особенность рассматриваемого поколения экономистов.

Большинство выпускников отделений экономической кибернетики не имели проблем с математическим аппаратом англоязычной экономической литературы, но английский язык им (за исключением выпускников английских школ) пришлось серьёзно подтягивать, некоторые из них посещали даже языковые курсы. Однако самым важным фактором в этом отношении были их зарубежные стажировки в США, Канаду, Великобританию и другие страны. Из этих поездок респонденты возвращались с прекрасным знанием языка.

К началу 1990-х гг. все они свободно говорили по-английски, что позволяло им не только эффективно общаться на профессиональные темы с зарубежными специалистами, но и выстраивать с ними личные отношения.

Вообще говоря, большинство респондентов к концу 1980-х гг. смогло хотя бы раз побывать за рубежом, и все отмечают большие изменения, произошедшие в их мировоззрении после эти поездок. Сухой остаток впечатлений можно изложить, несколько перефразируя слова братьев Стругацких: «на свете есть много стран, где-то люди живут лучше, чем у нас, где-то — хуже, но нигде не живут глупее...».

Ещё одна характерная особенность в рассматриваемой группе — знание второго иностранного языка. Это была по тем временам некоторая роскошь, однако второй язык сильно расширял горизонты мышления и открывал несколько иные перспективы. Как правило, вторым языком был французский, немецкий или испанский. Однако в расширенной группе молодых экономистов некоторые знали и восточноевропейские языки: польский, чешский и сербохорватский, что было весьма важно для изучения экономик стран Восточной Европы. Практическая невозможность овладения венгерским языком компенсировалась свободным доступом к англоязычному венгерскому журналу «Acta Oeconomica» в котором публиковались статьи ведущих венгерских экономистов.

Следует отметить, что старшее поколение советских экономистов знало иностранные языки (и в частности, английский) значительно хуже: когда они учились в школе, уровень преподавания иностранных языков там был очень невысоким. Тем более их никто не учил толком иностранным языкам в ВУЗах. Эти экономисты самостоятельно освоили язык в объёме, достаточном для чтения (и даже перевода) англоязычной экономической литературы, но никогда не владели языками свободно. Исключения были немногочисленными: отец Станислава Меньшикова работал в 1930-е гг. в Лондоне, где его сын одно время учился в местной школе, Олег Богомолов свободно знал немецкий язык, Юрий Яременко стажировался в Китае, где овладел китайским. Иван Сыроежин после длительной стажировки в США в начале 1960-х гг. говорил по-английски совершенно свободно.

Следует подчеркнуть, однако, то обстоятельство, что выпускники экономического факультета МГИМО и отделения зарубежной экономики МГУ, которые знали английский и другие иностранные языки на очень хорошем уровне, как правило, не принимали активного участия в подготовке и проведении реформ ни в 1960-е, ни в 1990-е гг.

Профессиональная ориентация

После окончания университетов все респонденты избрали академическую или университетскую карьеру. Это не удивительно: они все были склонны к исследовательской (реже к преподавательской) работе, имели большие достижения в учёбе и их охотно принимали в аспирантуру или в АН СССР. Да и с чисто материальной точки зрения академическая или университетская карьера была весьма привлекательной: ненормированный рабочий день, относительно высокие зарплаты (особенно для кандидатов и докторов наук). Все респонденты довольно быстро защитили кандидатские диссертации и имели хорошие перспективы стать к 40 годам молодыми профессорами.

Никто из них не стремился ни к производственной, ни к партийно-номенклатурной карьере. Есть два эпизода работы в выборных комсомольских органах, но оба они быстро закончились возвращением в науку. Одна из причин нежелания работы на производстве состояла, по-видимому, в том, что любая карьера в этой сфере неизбежно проходила через партийные комитеты, к которым молодые экономисты не хотели иметь никакого отношения.

Такие карьеры реформаторов 1990-х гг. находятся в резком контрасте с карьерами реформаторов середины XIX в. В то время почти все видные деятели реформ прошли через государственную гражданскую службу, только несколько человек стали профессорами. Причин этому несколько. Во-первых, профессорских позиций в университетах в то время было немного. Во-вторых, для дворян считалось уместным после окончания образования провести определённое время на государственной службе — военной или гражданской. В-третьих, в 40-е гг. XIX в. в министерства активно рекрутировались выпускники университетов, где они, благодаря своему высокому уровню образования, делали достаточно быстрые карьеры. Многие будущие реформаторы XIX в. близко познакомились между собой на службе в Министерстве внутренних дел, которое в это время имело большие полномочия по регулированию экономики.

В период проведения Великих реформ их главные идеологи имели уже довольно высокий чиновничий статус, и главное — навыки аппаратной борьбы, которые им весьмагодились в конфликте с консервативной частью правительственного аппарата. Реформаторам же конца XX в. пришлось усваивать аппаратные навыки на ходу, набивая себе кучу шишек.

В то же время нельзя сказать, что будущие реформаторы не были знакомы с состоянием реального сектора экономики. По ходу своих исследований им часто приходилось путешествовать по всей стране: от Молдавии до Дальнего Востока. Они хорошо разбирались в экономической статистике, как, впрочем, и молодые сотрудники Министерства внутренних дел в 40-е годы XIX в.

Сравнительная характеристика групп реформаторов XIX и XX веков

Если же сравнивать группы реформаторов XIX и XX вв. в более широкой перспективе, то можно обнаружить как сходство, так и различия в истории их формирования. Если говорить о сходстве, то в семьях реформаторов XIX в., как и семьях реформаторов XX в. мы находим очень мало военных. Здесь отцы — либо чиновники, либо помещики. В некоторых семьях отцы участвовали в наполеоновских войнах, но затем быстро покидали армию. Есть только один адмирал, который был скорее морским исследователем (В.Я. Головин). Впрочем, в XX в. в семьях реформаторов мы также видим одного адмирала (Т.А. Гайдара).

Во-вторых, реформаторы XIX и XX вв. были (за редкими исключениями) отличниками в гимназиях и школах и первыми студентами в университетах. И те и другие имели отличные литературные способности.

В-третьих, в XIX в. (как и в XX в.) главной кузницей реформаторов был Московский университет и его Благородный пансион, готовивший к поступлению в Университет, и несколько учебных заведений в Петербурге (Университет, Царскосельский лицей и Училище Правоведения).

В-четвёртых, будущие реформаторы познакомились и подружились между собой после окончания университетов, но до начала активной стадии реформ. Обе команды были в определённой степени «двуголовыми», опираясь в своей деятельности в равной степени на людей из обеих столиц.

Наконец, важной чертой, роднящей реформаторов XIX и XX вв., была крайняя независимость в суждениях: они до всего доходили собственным умом и ничего не принимали на веру. В то же время они вполне уважали чужие взгляды и позиции, когда они были самостоятельными. Именно такое психологическое и интеллектуальное сходство помогло им близко познакомиться в дореформенный период, не разругаться в ходе проведения реформ и сохранить дружеские отношения в постреформенное время.

Различия, однако, тоже были значительными. В XIX в. все реформаторы происходили из родовитых и, как правило, богатых дворянских семей. Они были достаточно обеспечены, чтобы в любой момент оставить государственную службу и уехать к себе в деревню (или за границу). Почти у всех активистов Великих реформ большое заграничное путешествие было элементом образования и становления их как личностей. Они все хорошо знали, как минимум, два иностранных языка: французский и немецкий, причём французский они знали в совершенстве, а немецкий в достаточной степени, чтобы читать в подлиннике произведения немецких философов, которые владели тогда умами молодого поколения русских. Третьим языком у представителей этого поколения обычно был польский, итальянский или английский.

Книги по общественно-политическим наукам, изданные во Франции и Германии, были доступны абсолютно всем образованным русским (даже если они были запрещены к ввозу в Россию, как, например записки А. де Кюстина или роман А. Дюма о декабристах «Учитель фехтования»). А так как таких книг было немного, они прочитывались и обсуждались всем образованным сословием. В частности, огромной популярностью пользовались обе книги А. де Токвиля. Так что гуманитарное образование у молодёжи 40-х гг. XIX в. было лучше, чем в XX в.

Второе отличие состоит в том, что образованное сословие России было в середине XIX в. очень небольшим, все значимые фигуры были тогда сосредоточены в столицах, так что появление молодых талантливых выпускников университетов сразу замечалось в московских и петербургских салонах. Почти все фамилии будущих деятелей Великих реформ были на слуху в образованных кругах уже к началу Крымской войны. В XX в. молодые реформаторы до начала реформ были не только неизвестны широкому слою интеллигенции, они были малозаметны даже в профессиональном сообществе экономистов. Они не были своими ни среди политэкономов, ни среди экономистов-математиков, ни среди специалистов по отраслевой экономике.

Экономические воззрения будущих реформаторов. Формирование команды

Теория административного рынка и её предшественники

Несмотря на несколько различный образовательный и социальный бэкграунд будущих реформаторов, у них уже к началу 1980-х гг. сформировалось общее представление о закономерностях функционирования и развития советской экономики, которое затем было названо «теорией административного рынка» (ТАР). Эту теорию можно назвать теорией только условно. Она вырабатывалась независимо несколькими группами исследователей,

имела разные названия (например, экономика согласований), никем никогда не была сведена в общую концепцию и довольно быстро потеряла свое практическое значение по мере трансформации плановой экономики в рыночную. Наиболее последовательное изложение идей ТАР дано в статье В.Найшуля «Высшая и последняя стадия социализма» [Найшуль, 1991].

В отличие от прежних теоретических описаний советской экономики как командно-административной системы, в которой плановые решения принимаются на высших уровнях хозяйственной иерархии и затем доводятся до нижестоящих звеньев, ТАР рассматривала советскую экономику как систему согласований плановых решений между различными уровнями хозяйственной иерархии, в которой происходит торг за плановые показатели и ресурсы, что и позволяет говорить о своеобразном «рынке». В этом отношении ТАР противостояла не только политической экономии социализма в её консервативном изводе (всеобщая планомерность), но и теоретическим построениям идеологов СОФЭ, согласно которым вся информация в экономике идёт снизу вверх, а решения об оптимальном плане принимаются на самом верху на основе оптимизационных моделей. ТАР также радикально отличалась от идеологии рыночного социализма: в реальной системе производственных отношений социализма деньги и финансы играли подчинённое положение по отношению к натуральным показателям и материальным ресурсам и были обычно вспомогательным элементом в административном торге. Монетизация этой системы отношений при сохранении государственной собственности представлялась достаточно утопичной идеей.

В формировании теории административного рынка и в новом понимании механизмов функционирования социалистической экономики сыграли определённую роль работы нескольких выдающихся экономистов, опубликованные в 70-е гг. и в начале 80-х гг. Первым в этом ряду стоит имя Ивана Сыроежина, который создал в начале 70-х гг. на основе синтеза общей теории систем Людвига фон Берталанфи [Берталанфи, 1969] и западных теорий управления так называемую теорию хозяйственных систем (ТХС) [Попова, Сыроежин, Эйсснер, 1974]. В этой теории функция распоряжения рассматривалась как основная структурообразующая функция в социалистическом хозяйстве, а базовой структурной единицей является распорядительный центр (РЦ) — объединение лиц, принимающих решения. РЦ — звено переменного масштаба, так что и цех, и завод, и министерство являются распорядительными центрами.

Экономические интересы РЦ определяются ресурсами, находящимися в их распоряжении, причём ресурсы отдельных РЦ могут пересекаться (т.е. находиться в совместном распоряжении). Процесс планирования и управления сводится в этой схеме к процессу согласования интересов различных РЦ.

Разнородность и разнокачественность ресурсов, находящихся в распоряжении РЦ, создаёт существенные отличия в их тезаурусах и затрудняет вербализованный информационный обмен между ними. Не случайно в ТХС важным исследовательским инструментом были деловые игры и имитационное моделирование, позволявшие экспериментально воспроизводить процессы информационного обмена в хозяйственных системах. Одним из ресурсов, находящихся в распоряжении РЦ, являются властные (административные) ресурсы, используемые в процессе согласования интересов. Поэтому процесс согласования интересов при подготовке и реализации плановых решений представляет собой административный торг — только что не называемый так официально.

Другим важным понятием в ТХС было понятие проблемной ситуации, которая определялась как такое нарушение интереса РЦ, которое может быть преодолено не единственным способом. В этой схеме никто ничего не оптимизирует: распорядительные центры сталкиваются с потоком проблемных ситуаций, каждая из которых разрешается в условиях неполной информации и в контексте реальностей текущего момента. Это ставило ТХС одинаково далеко как от теории общего равновесия, так и от системы оптимального функционирования экономики (СОФЭ).

Другой яркой фигурой в процессе возникновения теории административного рынка стал выдающийся венгерский экономист Янош Корнай. Наиболее известная его работа «Экономика дефицита» [Kornai, 1980] (русский перевод — 1990 г.) стала известна в кругу будущих реформаторов в начале 1982 г., однако главная книга Корнай «Антиравновесие» была опубликована в 1971 г., а годом позже был опубликован его цикл лекций «Форсированный и гармонический рост» [Kornai, 1971; Kornai, 1972].

В книге «Антиравновесие» Корнай достаточно аргументированно показал ограниченность равновесного подхода к экономике, утверждая, что типичным и постоянно воспроизводимым состоянием любой экономики является неравновесие. В книге «Экономика дефицита» эта идея развита по отношению к плановой экономике, причём там было доказано, что в социалистической экономике дефицит является перманентным и не может быть преодолен. Главная причина такой ситуации — феномен «мягких бюджетных ограничений», который приводит к постоянному превышению спроса над предложением. Понятие мягких бюджетных ограничений стало впоследствии органической частью теории административного рынка.

Третьим источником формирования теории административного рынка стала опубликованная в 1981 г. монография Юрия Яременко «Структурные изменения в социалистической экономике» [Яременко, 1981; Яременко, 2000]. В этой работе Яременко сформулировал тезис о структурной неоднородности советской экономики, в которой он выделял ядро (военно-промышленный комплекс) и периферию (гражданские отрасли)⁴. Ядро экономики производит качественные товары, а периферия — массовые. В ситуации сбалансированного развития происходит замещение массовых ресурсов периферии качественными ресурсами ядра, неэффективные производства периферии схлопываются, так что общая эффективность экономики растёт. Однако в случае нарушения равновесия, например, при форсированном развитии ВПК, которое происходило в 1970-е гг., возникает нехватка качественных товаров и их приходится компенсировать массовыми товарами, эффективность использования которых в ядре экономики невелика. При этом периферия вынужденно разрастается.

Юрий Яременко был выдающимся экономистом и тонким наблюдателем советской экономики. Он хорошо видел структурные дисбалансы начала 1980-х гг. и выработал концепцию их преодоления. По его мнению, правительству следовало отказаться от форсированного развития военно-промышленного комплекса и направить качественные (в том числе и кадровые) ресурсы ВПК в сферу гражданского машиностроения и производства предметов потребления, стимулируя таким образом рост эффективности этих секторов и повышение стандартов потребления населения. Проблема, однако, состояла в том, что реализация этой программы находилась за гранью политически возможного: руководство страны настолько срослось с верхушкой ВПК, что сценарий крупномасштабной конверсии требовал фактической смены режима. Эта смена режима в конце концов произошла, но совершенно обвальным образом, когда ни о какой управляемой конверсии ВПК не могло быть и речи.

Крушение своих идей Юрий Яременко пережил тяжело и стал жёстким критиком рыночных реформ, проводимых его учениками. Впрочем, Иван Сыроежин скорее всего также оказался бы среди критиков реформ: он весьма скептически относился к рынку⁵.

⁴ В условиях СССР нельзя было открыто говорить о роли советского ВПК. Поэтому в своих работах Ю.В. Яременко использует нейтральное понятие «хозяйственных уровней». Технологически более развитые отрасли (космос, атомная энергетика, ВПК и др.) — высшие уровни, отстающие (сельское хозяйство, строительство, транспорт, лёгкая и пищевая промышленность) — нижние уровни. — *Прим. ред.*

⁵ Иван Сыроежин умер в сравнительно молодом возрасте в 1983 г.

Формирование команды

Удивительным образом будущие реформаторы в период учёбы в Московском университете не общались друг с другом (разные специальности, разные годы выпуска), хотя у каждого из них были дружные студенческие компании, в которых обсуждались прочитанные книги (в том числе самиздат), а также вести с «враждебных» голосов. В Ленинграде ситуация была несколько иной, здесь многие будущие реформаторы познакомились на студенческой скамье, хотя это происходило уже ближе к концу 70-х гг., когда москвичи старшего поколения (1947–1955 г.г.) уже закончили обучение в МГУ.

Три очень известных ныне экономиста оказались в одной студенческой группе отделения политической экономии экономического факультета ЛГУ и очень тесно между собой общались, хотя в дальнейшем их карьеры сильно разошлись [Травин, 2024. С. 167]. На отделении экономической кибернетики Ленинградского финансово-экономического института группа студентов разных курсов сформировала сначала ядро студенческой лаборатории региональных экономических исследований, а затем, практически в полном составе, после окончания института влилась во вновь созданную Проблемную лабораторию региональных экономических исследований [Васильев, 2015. С. 43–44]. И совсем уж экзотической историей выглядит знакомство экономистов-математиков (кибернетиков) из Ленинграда и Новосибирска, которое произошло на студенческой конференции в Академгородке в апреле 1977 г. [Васильев, 2015. С. 47–49].

Однако две основные группы реформаторски настроенных экономистов возникли уже после завершения их участниками учёбы. Одна из них в Ленинградском инженерно-экономическом институте в 1979 г. (А. Чубайс, Г. Глазков, Ю. Ярмагаев), вторая — в Москве во Всесоюзном научно-исследовательском институте системных исследований (ВНИИСИ) в 1982 г. (Е. Гайдар, П. Авен, В. Широнин).

К этому же времени относится знакомство между группами, а уже в 1984 г. группа Гайдара была привлечена к разработке предложений по проведению рыночных реформ по поручению Комиссии Политбюро ЦК КПСС по совершенствованию хозяйственного механизма. К этой работе Гайдар привлёк также и ленинградцев. Подготовка концепции рыночных реформ была в основном завершена к моменту прихода к власти Михаила Горбачева, но по ряду причин она не только не была использована в период перестройки, но даже не была полностью опубликована.

Ещё две группы реформистски ориентированных молодых экономистов сформировались уже во время перестройки. Одна из них возникла в Ленинграде в 1987 г. и была оформлена как клуб общественных наук «Синтез», другая — в Москве в ЦЭМИ под крылом Евгения Ясина и Владимира Машица, которые в это время заведовали смежными лабораториями этого института.

Совершенно особым образом складывалась ситуация в Новосибирске. Здесь консолидация будущих реформаторов происходила в рамках сельских социологических исследований, проводимых Т. Заславской, причём в этой группе принимали участие и москвичи (П. Авен и В. Широнин). Именно эта группа сформировала ряд исходных положений теории административного рынка [Широнин, 1984; Авен, Широнин, 1987; Павленко, 1989].

К началу перестройки система кружков, клубов и семинаров молодых экономистов уже не обеспечивала необходимого уровня содержательной коммуникации, поэтому начиная с 1986 г. в основном силами ленинградцев была организована серия конференций молодых учёных (Змеиная Горка, Лосево и т.д.), на которых, во-первых, перезнакомились все активные деятели будущих российских реформ, а во-вторых, они смогли выступить со своими наработками и получить реакцию от единомышленников. Именно эта серия конференций стала важным фактором формирования единого понимания социально-экономических процессов, происходивших в позднем СССР, а также возможных путей проведения рыночных реформ.

По оценкам автора, общая численность команды молодых экономистов составила к концу 1980-х гг. порядка 20 человек, при этом они почти все были лично между собой знакомы, регулярно читали статьи друг друга и хорошо представляли себе, кто чего стоит. Это стало важнейшим фактором эффективности работы команды в экстремальных условиях первого этапа реформ.

Здесь нельзя не сказать о двух главных действующих лицах команды молодых экономистов: Егоре Гайдаре и Анатолии Чубайсе. Они обладали безусловным авторитетом в объединённой команде реформаторов, хотя их экономико-математическое образование было минимальным: Гайдар закончил отделение политической экономии МГУ, а диплом и кандидатскую диссертацию писал на кафедре экономики промышленности. Чубайс закончил факультет экономики машиностроения в Ленинградском инженерно-экономическом институте, а затем работал там же на кафедре экономики НИОКР. Впрочем, экономико-математическое моделирование Гайдара никогда не интересовало, зато он очень хорошо изучил литературу по институциональной экономике и экономической истории, а также по широкому кругу социальных наук. Чубайс больше увлекался проблемами технологического развития и очень хорошо представлял себе, как устроено советское предприятие.

С самого начала два лидера ставили перед собой достаточно амбициозные долгосрочные задачи, хотя даже сейчас трудно предположить, какие именно. Они серьёзно занимались проблемой расширения круга единомышленников. Так один из участников ленинградской группы молодых экономистов (Г. Глазков) учился три года в аспирантуре ЦЭМИ и имел специальное задание от Анатолия Чубайса по поиску в Москве новых перспективных кадров. Егор Гайдар неоднократно приезжал в Ленинград и установил личные контакты со всеми участниками ленинградской группы. По мнению автора, без этих двух лидеров к началу реформ не смогла бы возникнуть группа хорошо образованных и знакомых между собой молодых экономистов, понимающих характер будущих управленческих задач и способных к коллективным действиям по их решению.

Заключение

Отличительной особенностью российских экономических реформ 1990-х гг. было то, что они разрабатывались и осуществлялись большой группой молодых экономистов, имевших близкое социальное происхождение и образование, разделявших общие взгляды на структуру и динамику советской экономической системы и хорошо представлявших себе возможные пути её реформирования. Ядро этой группы состояло примерно из 20 человек, хорошо знакомых между собой с середины 1980-х гг. Ещё примерно 20 человек составляли как бы второй круг группы реформаторов и были достаточно идеологически близки к первой группе. В дальнейшем большинство членов этих двух групп входили в состав российского правительства и обеспечивали преемственность курса экономических реформ по крайней мере до середины 2000-х гг.

Эта ситуация не уникальна: Великие реформы в России в середине XIX в. также были задуманы и реализованы достаточно узкой группой молодых профессионалов одного поколения (1816–1828 гг. рождения). Есть и более близкие исторические примеры: экономические реформы 1970–1980-х гг. в Чили, также осуществлённые относительно небольшой группой молодых экономистов, близко знакомых друг с другом.

События и факторы, повлиявшие на формирование группы молодых реформаторов, исторически отстоят достаточно далеко от момента начала реформ. Здесь речь в первую очередь идёт о математической революции 1950-х гг. в экономической науке и бурном развитии кибернетики и общей теории систем, происходившем в это время.

В Советском Союзе на рубеже 1950–1960-х гг. произошла довольно быстрая рецепция этих двух научных направлений, благодаря хрущёвской оттепели и расширению

контактов с Западом. Западные экономические теории были легализованы в форме научных направлений математической экономики и экономической кибернетики.

В начале 1960-х гг. произошли также радикальные изменения в сфере образования: в высших учебных заведениях массово открывались отделения по специальности «экономическая кибернетика», были созданы специализированные физико-математические школы и в разы увеличена сеть языковых спецшкол. Образование большинства будущих реформаторов было связано как раз с этими тремя образовательными проектами.

Хорошее знание математики и английского языка открывало молодому поколению экономистов широкий доступ к зарубежной экономической литературе. Возможно, именно благодаря такому широкому кругу чтения они скептически воспринимали как западный мейнстрим (теорию общего равновесия), так и его советский извод — теорию оптимального функционирования социалистической экономики и вообще оптимизационные модели и техники; они были более склонны к институционализму, хотя в то время далеко не все из них знали этот термин.

Широкий институциональный подход позволил по-иному посмотреть на экономическую реальность позднего СССР. Это была уже не командно-административная система, где все решения принимались в центре и исполнялись на местах, а «экономика согласований», где разработка и реализация экономических планов осуществлялась путём итеративных согласований и обмена ресурсами между различными уровнями хозяйственной иерархии. Теория, описывающая функционирование экономики согласований, получила название теории административного рынка.

Участники группы познакомились в начале 1980-х гг., когда необходимость экономических реформ стала очевидной, и они, практически сразу, приступили к выработке программы реформ. Тесное интеллектуальное общение в группе в середине 1980-х гг. позволило выработать общее представление о направлениях и тактике проведения будущих реформ и стало важным фактором эффективности работы группы в первых российских правительствах.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Авен П.О., Широнин В.М. (1987). Реформа хозяйственного механизма: реальность намеченных преобразований [Aven P.O., Shironin V.M. (1987). The reforms of economic mechanism: feasibility of the designed transformations] // *Известия СО АН СССР. Серия Экономика и прикладная социология*. №13. Вып. 3. С. 33–48. DOI: 10.2753/PET1061-1991310233.
- Баумоль У. (1965). *Экономическая теория и исследование операций* [Baumol W. (1961) *Economic theory and operations analysis*]. — М.: Прогресс.
- Бир Ст. (1963). *Кибернетика и управление производством* [Beer St. (1959). *Cybernetics and management*]. — М.: Наука.
- Берталанфи Л. фон (1969). Общая теория систем: критический обзор [Bertalanffy L. von. (1969). *General system theory: a critical survey*] // *Исследования по общей теории систем*: Сб. переводов / Общ. ред. В. Садовский, Э. Юдин. — М.: Прогресс. С. 23–82.
- Бирман И. (2001). *Я экономист (о себе любимом)* [Bierman I. (2001). *I am economist (about myself beloved)*]. — М.: Время.
- Васильев С. (2015). *Две жизни одного поколения*. [Vasiliev S.A. (2015). *The two lives of one generation*]. — СПб.: Лимбус Пресс.
- Васильев С.А. (2022а). Аграрные реформы в России в XIX — начале XX вв.: политический контекст и технология проведения (Ч. 1. Крестьянская реформа Александра II). [Vasiliev S.A. (2022a) *Agrarian reforms in Russia in XIX-XX centuries (Part 1. The Great Reforms of Alexander II)*] // *Вопросы теоретической экономики*. №3. С. 151–172. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_3_157_172.
- Васильев С.А. (2022b). Аграрные реформы в России в XIX — начале XX вв.: политический контекст и технология проведения (Ч. 2. Второй этап аграрной реформы: С.Ю. Витте и П.А. Столыпин) [Vasiliev S.A. (2022b) *Agrarian reforms in Russia in XIX-XX centuries (Part 2. The Second Stage of Agrarian Reform: Witte and Stolypin)*] // *Вопросы теоретической экономики*. №4. С. 149–163. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_149_163.
- Васильев С.А. (2024). Западники, славянофилы и технократы: групповой портрет эпохи великих реформ. [Vasiliev S.A. (2024). *Westerners, slavofils, technocrats: group portrait of the Great Reforms era*] //

- С.А. Васильев *Очерки истории великих реформ.* — СПб.: Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский Центр». С. 68–112.
- Кошелев А.И. (2002). *Записки Александра Ивановича Кошелева (1822–1883 годы)* [Koshelev A.I. (2002). *Memories of Alexander Ivanovich Koshelev (1822–1883)*]. — М.: Наука.
- Леруа-Больё А. (2025). *Русский государственный деятель Николай Милютин. Исследование о России и Польше времён царствования Александра II (1855–1872)* [Leroy-Beaulieu A. (1884). *Un homme d'Etat russe (Nicolas Milutine d'après sa correspondance inédite. Étude sur la Russie et la Pologne pendant la règne d'Alexandre II (1855–1872))*]. — СПб.: Библиороссика.
- Майофис М.Л. (2016). Страх влияния: к ранней истории языковых спецшкол (конец 1940-х — начало 1960-х годов) [Maiofis M.L. (2016). *Fear of influence: early history of language schools*] // *Вопросы образования*. №2. С. 286–308. DOI: 10.17323/1814-9545-2016-2-286-310.
- Маленво Э. (1975, 1976). *Статистические методы эконометрии*. Т. 1–2 [Malinvaud E. (1964). *Méthodes statistiques de l'économétrie*]. — М.: Статистика.
- Милютин Д., Милютин Д.А. (1997–2006). *Воспоминания*: В 7 т. [Miliutin D., Miliutin D.A. (1997–2006). *Memories*]. — М.: ТРИТЭ; Российский архив.
- Найшуль В. (1991). Высшая и последняя стадия социализма [Naishul V. (1991). *The highest and the last stage of socialism*] // В. Найшуль. *Погружение в трясину.* — М.: Прогресс. С. 31–62.
- Нольде Б. (2003). Юрий Самарин и его время [Nolde B. (2003). *Yuri Samarin and his time*]. — М.: ЭКСМО.
- Семенов Тян-Шанский П.П. (2018). *Мемуары П.П. Семенова Тян-Шанского*. Т. 3/ 1857–1861. [Semyonov Tyun-Shansky (2018). *Memories*. V. 3. 1857–1861]. — М.: Кучково поле.
- Оболенский Д.А. (2017). *Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского*. [Obolensky D. (2017). *Diaries of Prince Dmitry Alexandrovich Obolensky*]. — М.: Нестор.
- Павленко С. (1989). Неформальные управленческие взаимодействия [Pavlenko S. (1989). *Informal management interactions*] // *Постижение*. — М.: Прогресс. С. 190–202.
- Понтрягин Л.С., Болтянский В.Г., Гамкрелидзе Р.В., Мищенко Е.Ф. (1961). *Математическая теория оптимальных процессов*. [Pontryagin L.S. Boltiansky V.G., Gamkrelidze P.V., Mishchenko E.F. (1961). *Mathematical theory of optimal processes*]. — М.: Государственное изд-во физико-математической литературы.
- Попова Т.Г., Сыроеждин И.М., Эйсснер Ю.Н. (1974). *Экономическая кибернетика. Основы теории хозяйственных систем*. [Popova T.G., Syroezhin I.M., Eussner Yu.N. (1974). *Economic cybernetics. Fundamentals of the theory of economic systems*]. — Л.: Изд-во ЛГУ.
- Самуэльсон П. (1964). *Экономика: вводный курс*. [Samuelson P. (1948). *Economics: an introductory analysis*]. — М.: Прогресс.
- Соловьев Я.А. (1881–1884). *Записки сенатора Я.А.Соловьева о крестьянском деле* [Solovyov Ya.A. (1881–1884). *The notes of senator Solovyov on agrarian reform*] // *Русская старина*. Т. XXX–XLI.
- Столерю Л. (1974). *Равновесие и экономический рост (Принципы экономического анализа)* [Stoléru L. (1968). *L'équilibre et la croissance économique (In French)*]. — М.: Статистика.
- Тесля А.А. (2014). *Последний из «отцов». Биография Ивана Аксакова* [Tesylya A. (2014). *The last of the “fathers”: Ivan Aksakov*]. — СПб.: Русская мысль.
- Травин Д. (2024). *Как мы жили в СССР* [Travin D. (2024). *How we lived in the USSR*]. — М.: Новое литературное обозрение.
- Широнин В.М. (1984). Механизмы координации производственной деятельности [Shironin V.M. (1984). *Mechanisms for coordination of production activities*] // *Сборник трудов ВНИИСи*. Вып. 15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mechanisms-of-coordination-of-economic-activities/viewer> (дата обращения: 10.09.2035).
- Эшби У.Р. (1959). *Введение в кибернетику* [Ashby W.R. (1956). *Introduction to cybernetics*]. — М.: Издательство иностранной литературы.
- Яременко Ю.В. (1981). *Структурные изменения в социалистической экономике* [Yaryomenko Yu. (1981). *Structural change in the socialist economy*]. — М.: Мысль.
- Яременко Ю.В. (2000). Теоретические основы исследования структурных сдвигов [Yaryomenko Yu. (2000). *Theoretical foundations for the study of structural change*] // Ю.В. Яременко. *Теория и методология исследования многоуровневой экономики*. — М.: Наука. С. 27–128.
- Arrow K.J., Debreu G. (1954). Existence of an Equilibrium for a Competitive Economy // *Econometrica*. Vol. 22. No. 3. Pp. 265–290.
- Dorfman R., Samuelson P., Solow R.M. (1958). *Linear Programming and Economic Analysis*. — N.Y.: McGraw Hill.
- Galbraith J.K. (1958). *The Affluent Society*. — N.Y.: Houghton Mifflin Company.
- Kornai J. (1971). *Anti-equilibrium. On economic systems theory and the tasks of research*. — Amsterdam: North Holland Pub.Co.
- Kornai J. (1972). *Rush versus harmonic growth*. — Amsterdam: North Holland Pub.Co.
- Kornai J. (1980). *Economics of shortage*. — Amsterdam: North Holland Pub.Co. 2v.
- Leeds A. (2016). *Spectral Liberalism: on the Subjects of Political Economy in Moscow*. PhD Thesis / Dissertation, University of Pennsylvania.

- Lincoln W.B. (1990). *The Great reforms: autocracy, bureaucracy and the politics of change in imperial Russia*. — Decalb, Illinois: Northern Illinois Univ. Press.
- Rostow W.W. (1952). *The Process of Economic Growth*. — N.Y.: W.W.Norton.
- Ruprecht T. (2022). The road from the Snake Hill. The Genesis of Russian Neoliberalism. // *Market Civilizations: Neoliberals East and South* / Ed's. Q. Slobodian, D. Plehwe — Zone Books. Pp. 109–138.
- Simon H.A. (1957). *Models of Man*. — N.Y.: John Wiley & Sons.
- Solow R.M. (1956). Contribution to the Theory of Economic Growth // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 70. No. 1. Pp. 65–94.

Васильев Сергей Александрович

savasiliev.78@gmail.com

Sergey Vasiliev

Doctor of Economics, Professor, E.T. Gaidar Institute for Economic Policy (Moscow)

savasiliev.78@gmail.com

ECONOMIC REFORMS IN RUSSIA IN THE 90S: FORMING A TEAM AND IDEOLOGY OF REFORMERS

Abstract. The Russian economic reforms in the end of XX-th century were conceived and implemented by a wide group of young economists with similar social background and education. They shared common views on the structure and dynamics of the Soviet economy and could well imagine potential pathways to economic reforms. During the nineties the majority of this group joined the Russian government and secured the reform momentum at least until the middle of the next decade. Among the factors which influenced the creation of the group were the mathematical revolution in economics and rapid transfer of these ideas into soviet academic circles. Mathematical economics was widely taught in the universities, supported by the creation of specialized mathematical and language schools. The generation of young economists of the seventies was quite skeptical towards general equilibrium theories and was more institutionally oriented. They perceived the Soviet economy not as a command-administrative monster, but rather as a system of multiple horizontal and vertical informational and informal interactions which would facilitate the preparation and implementation of economic plans. The members of the group got acquainted early in the eighties, when the necessity of reforms became obvious. By the middle of the eighties, the group had a clear vision of the directions and techniques of the future reforms, which was very important for cohesion and efficiency of their activity in the first Russian government.

Keywords: *economic reforms, young reformers, ideology, team formation.*

JEL: A11, A22, B25, B30, B52.